

А. М. Родригес-Фернандес

Исламизм в политической стратегии Пакистана (конец XX — начало XXI века) *

В статье рассматриваются основные направления во внутренней и внешней политике Пакистана в конце XX — начале XXI века. Сформировавшаяся в это время правительственная стратегия была не только подготовлена предшествующими 2–3 десятилетиями развития, но и до сих пор является преобладающей либо в открытой, либо в слегка завуалированной форме. Характерно, что именно в этот период (12 октября 1999 г.) произошел военный переворот и новый военный диктатор генерал Первез Мушарраф объявил о задачах экономического оздоровления страны и создания «реальной», то есть мусульманской, демократии. Это означало, что при подавлении антиправительственных и экстремистских группировок новая власть делает резкий крен в сторону государственного исламизма и скрытой поддержке движения «Талибан» в Афганистане и «полосе независимых племён» (территория Пакистана вдоль афганской границы). Важной особенностью этого периода был не потерявший значения в дальнейшем союз исламистов и военной элиты, подготовленной в основном в Англии. Улемы поднимают в нужное время волну общественного недовольства и гражданского неповиновения, а армия устанавливает власть на длительное время и обеспечивает радикальным улемам высокие позиции в государственной иерархии.

В статье использованы разнообразные по характеру источники по современной политической, социально-экономической и этноконфессиональной ситуации в Пакистане и Афганистане, включенные в сборник документов пакистанского исследователя Аалима.

Интересные детали о военных лидерах Пакистана и реформаторской деятельности правительства к XX — началу XXI века приводятся в библиографических заметках американского эксперта С. Пауэра и пакистанского чиновника Ф. Шотойса.

военный переворот; радикальный исламизм; региональная обособленность; политическая ситуация; этноконфессиональная рознь

Развитие политической ситуации в Южной и Юго-Восточной Азии в конце 1990-х годов продемонстрировало роль Пакистана как одного из главных исламистско-радикальных центров мусульманского мира. Не меньшую значимость имел и Афганистан. В то время, когда власть талибов в Афганистане распространялась почти на всю территорию страны, кроме незначительной области на севере, Пакистан стал наиболее влиятельным внешним партнером афганского правительства, причем пакистанское влияние реализовывалось не только на правительственном уровне, но и на уровне политических партий и институтов. В первую очередь следует назвать фундаменталистскую партию «Джамиат-и улема-и ислам», лидер которой Ф. Рахман стал главой комитета по международным делам Национальной ассамблеи Пакистана. «Исламабад решил, что “Талибан” является наилучшим средством для достижения его целей в Афганистане и был готов платить высокую цену для того, чтобы продолжать его поддержку» [Alilzad, 2000, p. 8–9].

Особая заинтересованность пакистанской власти в правительстве талибов была связана с осуществлением центрально-азиатских экономических проектов, а также с намерениями возобновить преобладающее пуштунское влияние в Афганистане. Правительство талибов сотрудничало с пакистанскими структурами не только в военной, но и в финансовой сфере, в частности Афганский национальный банк имел свои филиалы в Пакистане. Кроме того, талибы проводили консультации с пакистанскими экспертами в области исламской экономики, в том числе относительно создания сугубо исламского банка. Через Пакистан осуществлялись внешние связи.

* Родригес-Фернандес А. М. Исламизм в политической стратегии Пакистана (конец XX — начало XXI века) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 4 (69). С. 78–83. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.009>

© Родригес-Фернандес А. М., 2020

Однако международная и в определенной мере региональная изоляция афганского правительства не могла не отразиться на Пакистане. Прежде всего после вывода советских войск снижение интереса США к Афганистану рикошетом ударило по его восточному соседу, который уже не рассматривался как важнейший в регионе союзник Америки. Кроме того, после проведения в 1998 году ядерных испытаний Пакистан оказался жертвой экономических и торговых санкций мирового сообщества.

К этим внешним факторам прибавлялись внутренние, убеждавшие некоторых политиков в том, что Пакистан является типичным примером «несостоявшегося государства». Этот вывод подтверждали полоса коррупционных скандалов, разворачивавшихся вокруг избранных демократическим путем правительств, на смену которым 12 октября 1999 года в четвертый раз пришли военные. Кроме того, острой оставалась и проблема Кашмира, непосредственно влиявшая не только на двусторонние пакистанско-индийские отношения, но и усугублявшая сложную этноконфессиональную ситуацию в стране.

Упомянутые факторы привели к изоляции Пакистана в регионе, снижению его влияния на Среднем Востоке и в Центральной Азии, создали ситуацию «дипломатической блокады» вокруг одной из ведущих стран региона.

При создании в 1947 году независимого федеративного мусульманского государства, включавшего разные этносы, именно исламу отводилась роль цементирующего фактора. Однако пакистанские власти, как демократически избранные, так и военные, давно погрязли в клановой политической борьбе, демагогии и коррупции. При этом около 60 % ВВП страны шло на погашение внешнего долга, 30 % — на военные затраты и лишь 2,4 % — на развитие образования. Пакистанское общество — это общество, где «коррупция — эндемическая» [Alilzad, 2000, p. 31–32], где существует тысяча учреждений, основанных коррумпированными политиками. Как указал бывший президент страны Ф. Легари, «создается впечатление, что вся элита одержима идеей самообогащения» [Ibid].

К осени 1999 года противоречия между демократически избранным правительством Н. Шарифа и военными, в первую очередь относительно политики в Кашмире и отношений с движением «Талибан», в очередной раз обострились. Премьер склонялся к урегулированию отношений с Индией путем достижения компромисса и отказа от сотрудничества с талибами, которых уже тогда обвиняли в поддержке международного терроризма. Такая рекомендованная США политика вызвала резкое сопротивление со стороны пакистанских генералов.

Как упоминалось выше, 12 октября 1999 года генерал Мушарраф объявил о переходе власти в руки военных. Была отменена Конституция, распущен парламент, введено чрезвычайное положение, сформировано правительство из генералов с незначительным участием гражданских лиц, объявлено о создании Совета национальной безопасности как высшего органа государственной власти. Мушарраф обещал «покончить с “бутафорской демократией” и “построить реальную”, достичь экономического оздоровления страны и ликвидировать коррупцию, реформировать систему образования и сузить роль медресе» [Power, 2001, p. 3–4].

Следует подчеркнуть, что все военные правительства Пакистана всегда ставили задачи преодоления экономической отсталости и искоренения коррупции, а под «демократией» всегда подразумевались коранические нормы раннего периода ислама. Военно-политическая элита в этой стране, как и в большинстве стран Азии, является своеобразной кастой. Для Пакистана характерны, во-первых, тесная связь с бывшей метрополией, так как значительное количество военных заканчивает английские военные академии, и, во-вторых, — региоцентризм, представителями элиты которого являются, как правило, выходцы из Пенджаба, что для многонационального государства имеет существенное значение.

Учитывая то, что Пакистан является «этнической и социальной пороховой бочкой» [Logies, 2002, p. 3], правительство П. Мушаррафа взяло курс на подавление оппозиции и ослабление экстремистских группировок, активно применяя Закон о борьбе с террористической деятельностью, и одновременно начало процесс ограниченного и под-контрольного ему восстановления демократических институтов в стране, в частности путем проведения многоэтапных выборов в местные органы власти. Избирательная кампания длилась почти полгода — с декабря 2000 по август 2001, и продемонстрировала победу кандидатов все тех же традиционных политических кланов и партий, а именно Мусульманской лиги и Народной партии. Еще одной характерной особенностью этих выборов была относительно слабая поддержка электоратом исламских партий и организаций. В связи с этим П. Мушарраф подчеркивал, что «90 % граждан страны сдержанны и толерантны. Экстремисты составляют лишь около 5 или 10 % населения» [Shottaise, 2002, p. 31].

Ситуация, однако, осложнялась тем, что со стороны соседнего дружественного Афганистана постоянно исходила угроза «талибанизации» Пакистана, учитывая не только разнообразные связи

между этими странами при условности границы между ними на большей части ее протяженности, но и высокий уровень исламского сознания пакистанского общества. Сложный и противоречивый характер имели отношения между военными структурами и исламскими формированиями. Очевидно, пакистанской армии тяжело было функционировать в качестве политической силы без поддержки со стороны религиозных организаций, поскольку религиозные организации нужны военным не только для установления добрых отношений с богатыми мусульманскими странами (прежде всего в экономической сфере), но и в качестве противовеса влиятельным политическим партиям типа Мусульманской лиги и Народной партии.

Исламисты в свою очередь понимают, что, действуя самостоятельно, они не могут рассчитывать на политический успех. Улемы хотя и могут поднять волну общественного недовольства и гражданского неповиновения, но руководить общественным движением на протяжении длительного времени вряд ли способны. Только определенный союз с армией может обеспечить им более-менее высокие позиции в иерархии власти, при этом, однако, следует учитывать, что генералитет никогда не согласится на подчиненное положение в подобном тандеме, а оставит за собой руководящую роль.

При военном режиме генерала Мушаррафа в Пакистане в последние годы не были решены две главные задачи: улучшение экономического положения страны и выход из «дип-ломатической блокады» за счет установления мира в Афганистане и как следствие этого «центрально-азиатского прорыва». Террористические акты 11 сентября 2001 года в США и объявленная ими война с терроризмом глубоко изменили сценарий региональной политики и приобрели особое значение для Пакистана. Именно тогда страна получила существенный шанс для выхода из международной изоляции для возобновления своего политического влияния в субрегионе. Так, по мнению обозревателей влиятельной французской газеты «Монд дипломатик», перед страной встали четыре главных вопроса, от решения которых зависело будущее Пакистана.

Во-первых, «это инструментализация исламизма государством», то есть укрощение мусульманского экстремизма и поддержание стабильности в стране для решения экономических проблем с целью прежде всего «направить туркменский газ к пакистанским берегам». Во-вторых, это Кашмир, который имеет для Пакистана приоритетное значение и в отличие от Афганистана остается яблоком раздора в отношениях с Индией. В-третьих, это вопрос идентичности самой нации, разрывающейся между националистами и радикальными исламистами. И хотя электорат исламистов незначителен, нерешенные экономические и социальные проблемы способствуют его росту. Четвертая проблема — это армия, тесно связанная с религиозной верхушкой. Эти две весомые силы стремятся использовать потенциал друг друга для достижения собственных целей [Bensussan, 2003, p. 5].

Проведение осенью 2001 года США при поддержке союзников по НАТО военной операции в Афганистане вызвало резко отрицательную реакцию со стороны населения Пакистана. Согласно опросам Института Геллапа, 63 % пакистанцев тогда приняли сторону талибов и только 7 % поддерживали американцев. При этом 75 % граждан считало, что правительство ни в коем случае не должно предоставлять территорию страны для осуществления операций в Афганистане. Более того, Пакистанский совет улемов объявил Америке джихад. Местные толкователи Корана огласили фетву, в которой призвали всех правоверных мусульман к войне против США в случае атаки на Афганистан. Исламские радикалы одновременно начали кампанию с призывами к всеобщей забастовке в стране [Aalim, 2006, p. 41].

Американское руководство, понимая чрезвычайно важное значение Пакистана в новой региональной игре, всеми возможными средствами старалось добиться поддержки со стороны пакистанского правительства. И несмотря на отрицательное отношение пакистанского общества к вторжению сил НАТО в Афганистан, П. Мушарраф принял историческое решение относительно поддержки возглавлявшихся Соединенными Штатами Америки сил, практически вырвавшее Пакистан из международной изоляции. «Сперва интересы Пакистана, а потом все остальное. Из двух зол мы выбираем меньшее, и, как учил нас пророк Мухаммад, в подобных обстоятельствах можно даже пойти на подписание договора с врагом. Для талибов же мое правительство и я лично сделали все, что могли», — констатировал генерал [Aalim, 2006, p. 27]. Конечно, это было непростое решение для президента страны, где имеется множество собственных исламских экстремистов и чье духовенство и религиозно ориентированная часть интеллигенции поддерживали дружеские отношения с талибами.

Пакистанское правительство, подписав со США меморандум о взаимопонимании, одержало двойную победу. Во-первых, Пакистан снова был признан союзником США, что предоставило стране новые возможности в борьбе с собственными экстремистами. Во-вторых, Пакистану был

списан почти 40-миллиардный долг США, притом что Исламабад получал 600 млн долларов финансовой помощи к уже ранее перечисленным ему 100 млн. Международные банки и иностранные правительства также реструктуризировали пакистанские долги [Aalim, 2006, p. 93].

Таким образом, военное руководство во главе с П. Мушаррафом «недвусмысленно стало на сторону Америки против правительства “Талибана”», противодействуя тем самым и «талибанизации» собственной страны в условиях, когда «выживание Пакистана было поставлено на карту» [Shyder, 2002, p. 5]. Именно так объяснял целесообразность принятого решения президент этой страны в своем Заявлении от 12 января 2002 года, номинально обращенном к пакистанскому народу, но фактически имевшем целью продемонстрировать всему миру, и в первую очередь ближайшим соседям, «поворотный пункт в короткой и неудачной истории Пакистана» [Ibid].

Подчеркнув намерение Пакистана быть полноправным членом мирового сообщества, военный руководитель отмежевался от терроризма и теократии, резко осудил тех, кто искажает ислам в своих собственных целях. В этом обращении было заявлено о запрете деятельности пяти наиболее известных радикальных исламистских групп и об аресте сотен их сторонников. Генерал объявил также о включении религиозных школ (медресе) в общенациональную систему образования. По мнению обозревателей газеты «Экономист», генерал П. Мушарраф «понимает лучше, чем кто-либо, насколько опасными являются исламские экстремисты и как близко они подвели Пакистан к беде своей неудачной попыткой взрыва в индийском парламенте» в декабре 2001 года. «Все мы уже сыты этим по горло», — откровенно заявил П. Мушарраф в своем обращении к пакистанскому народу 12 января 2002 года [Shyder, 2002, p. 5]. Не отвергая значение ислама как современной и толерантной религии, генерал старался блокировать в ней экстремистскую составляющую, которая не может быть принята умеренными и численно преобладающими слоями пакистанского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Aalim B. G. Threatening Storm. The Documentary Issue. — L. : A. CFR Book, 2006. — 184 p.
2. Alilzad Z. Afganistan : The Next Phase // *Persceptions*. — 2000, Dec. — Pp. 5–6.
3. Bensussan H. Nature et Responsabilite // *Le Monde diplomatique*. — 2003, Dec. — N 573. — 3 p.
4. Lories P. S. Vie et Liberté // *Les Echos*. — 2002, 11–12 Juilt. — Pp. 3–4.
5. Power C. A. Military Liader and a Reformer // *Newsweek*. — 2001, 10 Febr. — Pp. 3–4.
6. Shottaise F. Reform is a Long Process // *Newsweek*. — 2002, 19 Febr. — 2 p.
7. Shyder D. The Saving of Pakistan? // *The Economist*. — 2002, 19 Jan. — 5 p.

Сведения об авторе

Александр Мануэльевич Родригес-Фернандес — доктор исторических наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Сфера научных интересов: экономическая и социально-политическая история арабских стран, проблемы ислама и исламизма.

Контактная информация: электронный адрес: amrodrigues@mail.ru, am.rodriques-fernandes@mpgu.su

A. M. Rodriguez-Fernandez

Islamism in the Political Strategy of Pakistan

(Late 20th — Early 21st Centuries) *

The article treats major trends of Pakistan’s domestic and foreign policy in the late 20th — early 21st centuries. The governmental strategy that was formed in the aforementioned period was prepared by the two or three preceding decades and still prevails in an overt or covert form. It should be noted that during the period there was a military coup (October 12, 1999) and the new military dictator Pervez Musharraf underlined the necessity to revive the economy of the country and to create Muslim democracy. It signified that by suppressing antigovernment extremists the new government favored Political Islamism, covertly supported the Taliban movement in Afghanistan and tribal sovereignty along the Durand Line. An important characteristic of the period was the coalition of the Islamists and the pro-English military elite. The ulama provoked social unrest and civil disobedience while the army usurped the power and enabled radical ulama to acquire high posts in the government.

* Rodriguez-Fernandez A. M. Islamism in the Political Strategy of Pakistan (Late 20th-Early 21st Centuries). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 4 (69), pp. 78–83. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.009>

The article analyzes various documents collected by a Pakistani researcher Aalim and dealing with the contemporary political, social, economic, ethnic and confessional situation in Pakistan and Afghanistan.

The article also analyzes bibliographic notes of an American expert S. Power and a Pakistani official Ph. Shotois about the military leaders of Pakistan and the reforms initiated by the Pakistan government in the 20th — early 21st centuries.

military coup; Radical Islamism; regional isolation; political situation; ethnic confessional strife

REFERENCES

1. Aalim B. G. *Threatening Storm. The Documentary Issue*. L., A. CFR Book Publ., 2006, 184 p.
2. Alilzad Z. Afganistan: The Next Phase. *Perceptions*. 2000, Dec., pp. 5–6.
3. Bensussan H. Nature et Resnonsabilite. *Le Monde diplomatique*. 2003, Dec., no. 573, 3 p. (In French).
4. Lories P. S. Vie et Liberté. *Les Echos*. 2002, 11–12 Juilt, pp. 3–4. (In French).
5. Power C. A. Military Leader and a Reformer. *Newsweek*. 2001, 10 Febr, pp. 3–4.
6. Shottaise F. Reform is a Long Process. *Newsweek*. 2002, 19 Febr, 2 p.
7. Shyder D. The Saving of Pakistan? *The Economist*. 2002, 19 Jan, 5 p.

Information about the author

Alexander Manuelyevich Rodriguez-Fernandez — Doctor of History; Professor in the Department of New and Modern History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics at Moscow State Pedagogical University.

Research interests: economic, social and political history of Arabian countries, the problems of Islam and Islamism.

Contact information: e-mail: am.rodrigues-fernandes@mpgu.su

Поступила в редакцию 13.07.2020

Received 13.07.2020